

Из истории русского языка

Откуда *саранча* прилетела в славянскую Библию?

Александр Игоревич Грищенко, Московский педагогический государственный университет, Институт славяноведения РАН, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российская государственная библиотека (Россия, Москва), a.i.grishchenko@mpgu.su

DOI: 10.31857/S013161170008276-2

АННОТАЦИЯ: Очерк посвящен истории появления в восточнославянских языках позднего Средневековья тюркского заимствования *саранча*, которое затем попало в польский и чешский языки. Источником его был тюркский (старокипчакский) таргум, известный в еврейской рукописи 1470–80-х гг., где в перечне чистых кузнечиковых (Лев. 11:22) к одному из древнееврейских названий имеется глосса на полях *sarynčqa*, оказавшаяся затем в форме *саранча* (или *саранца*) на полях и в тексте Правленого славяно-русского Пятикнижия XV в. Это слово было заимствовано из тюркского предположительно на восточнославянских землях Великого княжества Литовского. В последующей истории восточно- и западнославянских языков в качестве основного наименования насекомого закрепился именно этот тюркизм, тогда как в церковнославянской Библии поздние справщики и издатели сохранили старое славянское слово *пругъ*. Слово *саранча* снова стало использоваться лишь в русском Синодальном переводе.

ключевые слова: Библия, церковнославянский язык, названия животных, караимский язык, Правленое Пятикнижие

для цитирования: Грищенко А. И. Откуда *саранча* прилетела в славянскую Библию? // Русская речь. 2020. № 1. С. 21–37. DOI: 10.31857/S013161170008276-2.

From the History of the Russian Language

Where Did a *Sarancha* Fly into the Slavonic Bible From?

Alexander I. Grishchenko, Moscow State Pedagogical University, Institute for Slavic Studies (Russian Academy of Sciences), St. Tikhon's Orthodox University, Russian State Library (Russia, Moscow),
a.i.grishchenko@mpgu.su

ABSTRACT: The essay is devoted to the history of the late-medieval Turkic loanword *sarancha*'s emergence in the Eastern Slavonic languages (later the word was adopted by Polish and Czech). Its source was the Turkic (Old Kipchak) Targum known in the Jewish manuscript from the 1470s–80s; this MS has a list of clean bush-crickets (Leviticus 11:22) with the marginal gloss *sarynčqa*, which appeared afterwards as *sarancha* (or *sarantsa*) in the margins and text of the Edited Slavonic-Russian Pentateuch of the 15th century. The word was borrowed from Turkic allegedly on the Eastern Slavonic lands of the Grand Duchy of Lithuania. This Turkic loanword has been fixed as the main name of the insect in the subsequent history of Eastern and West Slavonic, while the later editors and publishers kept the old Slavonic word *prug* in the Church Slavonic Bible. The word *sarancha* came into usage no earlier than in the Russian Synodal Translation of the Bible (19th century).

KEYWORDS: Bible, Church Slavonic, animals' names, Karaim, Edited Pentateuch

FOR CITATION: Grishchenko A. I. Where Did a *Sarancha* Fly into the Slavonic Bible From? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 1. Pp. 21–37. DOI: 10.31857/S013161170008276-2.

Саранча летела, летела —
И села,
Сидела, сидела — все съела
И вновь улетела.
Приписывается А. С. Пушкину

Приписываемый А. С. Пушкину в воспоминаниях губернского секретаря В. З. Писаренко шуточный рапорт об участии поэта в кампании по борьбе с саранчой в Херсонском уезде в 1824 г. [Сербский 1936: 277] — одно из свидетельств того, что к началу XIX в. слово *саранча* стало основным в русском языке для обозначения вредоносного насекомого. Основным оно было уже для составителей «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг.), где с его помощью толкуется старое, церковнославянское, слово *пруги*: «Саранча: родъ вредоносныхъ насѣкомыхъ, поядающихъ всякія растѣнія» [САР IV: 1129], — а само слово *саранча* подробно, по-энциклопедически, толкуется и описывается в следующей части словаря: «*Gryellus migratorius* [современное научное название — *Locusta migratoria*, саранча перелетная, или азиатская. — А. Г.]. Насѣкомое, къ роду крупныхъ сверчковъ принадлежащее, у коего грудной щитъ по срединѣ имѣетъ острую возвышенность; голова тупая, челюсти черныя; верхнія крылья желтосѣрыя съ бурыми пятнами, а изподнія зеленыя; заднее тѣло и ноги красноватыя. Собственно рождается въ Татаріи, откуда большими тучами налетаетъ иногда въ Европу, и пожирая всѣ растенія, причиняетъ голодъ» [САР V: 341–342].

Действительно, нашествия саранчи русские земли переживали еще издревле, однако летописцы называли это насекомое иначе, по-церковнославянски, как в «Словаре Академии Российской» (ед. ч. *пругъ*, правильное мн. ч. им. п. — *прузи*, часто в собирательной форме *прузие* или *пружие*), например в «Повести временных лет»: «В се же лѣто [1094 г.] придоша п р у з и на Русьскую землю, мѣсяца августа в 26, и поѣдоша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слышано в днѣхъ первыхъ в земли Русьстѣ, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша» [ПВЛ 1996: 95]. В старославянских библейских переводах также использовано это слово, например в сюжете с казнью египетской, когда Моисей навел на Египет множество саранчи (Исх. 10:13–14), процитируем по современному церковнославянскому тексту из Елисаветинской Библии 1751 г.: «И воздвиже Моисей жезлъ на небо, Господь же наведе вѣтръ южный на землю во весь той день и во всю ночь: утро бысть, и вѣтръ южный взя п р у г и, и наведе я на всю землю

Египетскую: и нападоша на вся предѣлы Египетскія мнози зѣло: прежде сихъ не быша сивевіи п р у з и, и по сихъ не будутъ тако». На рис. 1 см. иллюстрацию к этому месту в гравюре из печатной Кельнской Библии в западно-нижненемецком переводе ок. 1478–1479 г. (это издание Библии, кстати говоря, использовалось составителями первого полного библейского свода на церковнославянском языке — знаменитой Геннадиевской Библии 1490-х гг.).

Старославянское слово *прѣзъ*, к которому восходит древнерусское *прузъ*, родственно современным русским словам *пружина*, *упругий*, *напрягать* и связано с прыгающим характером этого насекомого [Фасмер 1987: 387–388], на чем основаны его названия в других славянских языках, неродственные формы *прѣзъ*: болгарское *скакалецъ*, македонское *скакулѣцъ*, сербское и хорватское *ска̀кавац*, а также более метафорические — через сходство со скачущим конем — словенское *kobilica*, старочешское и словацкое *kobyľka*. В народной классификации животных саранча не всегда отделяется от кузнечиков, потому сюда можно добавить и другие корни, которым могут называть кузнечика (*Tettigonia viridissima*) в различных славянских говорах, выделяя особенность его передвижения (согласно карте № 43 в выпуске

Рис. 1. Восьмая египетская казнь — нашествие саранчи. Раскрашенная гравюра на дереве в Кельнской Библии 1478–79 гг. (экземпляр РГБ: Biblia (in dialecto Saxoniae inferioris) / Cum glossis secundum Postillam Nicolai de Lyra. Печатник Генрих Квентель)

Fig. 1. The eight plague of Egypt (the locust invasion). The hand-colored woodcut (Russian State Library's copy: Biblia (in dialecto Saxoniae inferioris) / Cum glossis secundum Postillam Nicolai de Lyra. Printed by Heinrich Quentell)

«Животный мир» Общеславянского лингвистического атласа [Аванесов (гл. ред.) 1988: 110–111]): *konj*- (в чешском и словацком ареале) и *koz*- (уже по ассоциации со скачущей козой — встречается в белорусском и польском ареалах). Согласно тому же атласу, среди современных славянских говоров формы с корнем *prug* для обозначения кузнечика встречаются лишь на некоторых южных хорватских островах, так что церковнославянское *пругъ / пружи / пружие* оказалось книжным архаизмом, не поддерживаемым живыми славянскими языками, и потому неудивительно, что в центре Восточной Европы оно было заменено другим словом — словом *саранча*. Но какого происхождения? И при чем тут славянская Библия?

Этим словом зловердное насекомое называется в следующих современных славянских языках, кроме русского: чешском (*sarančě* — произносится *сáранчэ*), польском (*szarańcza* — произносится *шарáньча*), украинском (*саранá*, реже *саранчá*) и белорусском (*саранчá*). При этом в чешский оно было заимствовано в первой половине XIX в. чешскими ботаниками братьями Преслями — из русского языка [Rejzek 2001: 562], тогда как в польский попало достаточно рано — по меньшей мере с начала XVI в. и, как считается, из русского языка [Brückner 1985: 540], о чем также специально писал польский тюрколог Тадеуш Ковальский [Kowalski 1947]. Польские исследователи отмечают, что сначала в источниках употреблялась форма *sarańcza* (*сарáньча*), причем в текстах писцов, которые происходили с востока — с территории Великого княжества Литовского, — а затем она изменилась в современную *szarańcza* [Rytter 1992: 84].

Однако собственно русские в современном понимании этого термина, то есть великорусские, источники плохо знакомы со словом *саранча*: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» первое его употребление в качестве глоссы на полях фиксирует в Правленном славяно-русском Пятикнижии XV в. — памятнике, о котором нам уже приходилось писать на страницах этого журнала в предыдущей заметке о проникновении тюркского слова *сайгак* в русский язык [Грищенко 2019], а затем — после полуторавекового перерыва! — лишь в источниках 1650 и 1679 гг. [Богатова (гл. ред.) 1996: 64] (примеров между Правленным Пятикнижием и 1650 г. нет также в картотеке этого словаря, хранящейся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, если не считать источники, широко датированные XVII в.). Старорусский корпус в составе Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-mid_rus.html) дает еще два источника 1650 и 1692 гг. (в упомянутой выше картотеке источников еще больше, однако в основном они относятся все так же ко втор. пол. XVII и даже к XVIII в.). При этом московские азбуковники XVII в. считают слово *саранча* польским или даже чешским (!), ставя на первое место грецизм *акриды* (из формы род. п. ἀκρίδος слова ἀκρίς ‘саранча’): «Акриды, пружие,

иже чески наричется саранча» или «Акриды, пружие, иже лячки [то есть *ляшски* ‘по-польски’. — А. Г.] наричется саранча» [Ковтун 1977: 95–99].

Если в польские источники XVI в. слово *саранча* попадает с востока, а в московские уже в следующее столетие — с запада, то очевидно, что оно было заимствовано в восточнославянскую речь на землях как раз между Королевством Польским и Великим княжеством Московским, то есть на территории современных Белоруссии и Центральной Украины, которые входили тогда в состав Великого княжества Литовского, объединившегося затем с Польшей в одно государство — Речь Посполитую. И действительно, в XVI в. оно зафиксировано в так называемой «прóстой», или «руської мове» — литературном языке православных (а позднее и униатских) книжников и писарей. В рукописной Псалтири второй половины XVI в. (Российская государственная библиотека, Собрание Н. П. Румянцева, № 335), переведенной на «просту мову» с польской Псалтири Лаврентия Врубеля 1539 г., стих Пс. 104:34 звучит следующим образом: «Рек — и пришли с а р а н ч а и гусеницы, котрым числа не было». В польском же оригинале использовано другое, латинское, слово для обозначения саранчи и там же истолковано собственно славянским, которое, судя по всему, и было основным в западнославянских языках: «Rzekł — i przyszli locusti i robacztwo...», а «locusti, to jest kobyłki albo insze robacztwo im rowne» («локусты, то есть к о б ы л к и или другое насекомое, подобное им»). Еще один пример из XVI в. — в Западнорусской летописи по списку графа Рачинского ок. 1580 г.: «Того ж лѣта [1534 г.] прышла с а р а н ч а на Лядскую землю и на Литовскую около Берестия и около Мѣнска...». Эти и множество других примеров содержатся в «Историческом словаре белорусского языка» [Булыка (ред.) 2011: 62–63], который по сути является словарем «простой мовы».

О том, что в Новгороде и в Московии до расширения Московского царства далеко на юг, вплоть до Астрахани, не были знакомы с саранчой, которая действительно массово не залетала в эти северные земли, свидетельствует одна из миниатюр Лицевого летописного свода 1560–70-х гг. — многотомной иллюстрированной летописи, которая была составлена специально для Ивана Грозного. Лицевой свод начинается библейской историей, и рассказ о восьмой египетской казни — нашествии саранчи (Исх. 10:13–14) — сопровождается характерным изображением (см. рис. 2): саранча нарисована в виде животных (здесь — по-видимому, львов) с человеческими головами. Так она описана в Апокалипсисе Иоанна Богослова: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на

Рис. 2. Нашествие саранчи (Исх. 10:13–14)
в Лицевом летописном своде Ивана Грозного
(ГИМ, Муз. 358, 1560–70-х гг., л. 191)

Fig. 2. The locust invasion (Ex 10:13–14)
in the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible
(GIM, Muz. 358, 1560s–70s, fol. 191r)

землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. <...> По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие; и волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов» (Откр. 9:1–8). В средневековых русских лицевых апокалипсисах встречаются такого рода изображения (как, например, в рукописи РГБ, МДА 16 XVI в.: см. рис. 3), однако в качестве иллюстрации

Рис. 3. Апокалиптическая саранча в русской рукописи XVI в. (РГБ, ф. 173.1, № 16, л. 40 об.)

Fig. 3. The apocalyptic locust in the Russian MS from the 16th century (RGB, found 173.1, No. 16, fol. 40v)

египетской казни апокалиптическая саранча появляется неожиданно, и это может говорить о том, что художник попросту не знал, как она выглядит. Художник же, иллюстрировавший знаменитую Радзивилловскую летопись 1480–90-х гг., — или, вероятно, ее оригинал, созданный ранее, — к сюжету о нашествии саранчи на Русь подошел со знанием дела: саранча изображена здесь (в Повести временных лет, под 1096 г.) уже более реалистично и даже раскрашена желтым цветом (см. рис. 4)¹. В последнее время была обоснована гипотеза о том, что Радзивилловская летопись была переписана на западнорусских землях — во Владимире Волынском [Никитин 2004]. Это обстоятельство косвенно подтверждает наше предположение, что заимствование слова *саранча* произошло именно там, а не в Москве.

Рис. 4. Нашествие саранчи на Русь в 1096 г.
Миниатюра Радзивилловской летописи, № 295
(1480–90-е гг.)

Fig. 4. The locust invasion into Rus' in 1096.
The miniature No. 295 of the Radziwiłł Chronicle
from the 1480s–90s

¹ В миниатюре есть примета западноевропейской иконографии — полумесяц с профильным лицом, а не полная луна; сверху расположена миниатюра с фигурой в рыцарских доспехах [Чернецов 1981: 280], — поэтому имеется вероятность того, что само изображение саранчи было заимствовано из европейских источников, а не объясняется знакомством художника с этим насекомым.

Однако вернемся к самым ранним употреблениям этого слова в восточнославянской письменности — в Правленом Пятикнижии XV в., которое, хотя известно в основном в великорусских (в том числе новгородских) списках с 1490-х гг., создано было именно на западе, на русских землях Великого княжества Литовского, о чем лишний раз свидетельствует появление в нем этого западнорусского слова, которое, в свою очередь, было заимствовано из некоего тюркского источника. У М. Фасмера приводится вообще «тюркское» *sarynča* и кипчакское *sarynčqa*, которые он вслед за тюркологами возводит к *sary(γ)* ‘желтый’ [Фасмер 1987: 560]. Однако в тюркских языках форма без конечного *-qa*, *-γa* или *-χα* засвидетельствована только в армянокипчакском языке — одной из разновидностей золотоордынского кипчакского, на котором в XVI–XVII вв. писали армяне Подолья и Галиции, так что вполне вероятно, что форма *saranča* (не *sarynča*, как у Фасмера) была обратным заимствованием из окружавших их славянских языков. Наиболее распространенной старокипчакской формой была *sarynčqa*, которая представлена уже в древнейшем и чрезвычайно важном памятнике — «Кодексе куманикусе» (буквально ‘половецкая книга’), известном в единственном списке 1303 г. [Левитская 2003]. Современные тюркологи, впрочем, предлагают иную этимологию этого слова, для которого предлагают праформу *saryčqa*: от глагола *sacyr-*, *syčyr-* ‘прыгать’, причем известного именно караимскому языку [там же].

Именно форма *sarynčqa* встречается в самом раннем тексте на старокипчакском языке в еврейской графике — фрагменте Пятикнижия из собрания А. С. Фирковича в Российской национальной библиотеке Евр.І.Библ., № 143 1470–80-х гг., о котором мы уже писали в заметке о слове *сайгак*. Этот памятник представляет собой плод деятельности тюркоязычных иудеев Золотой Орды, причем, скорее всего, иудеев раввинистического направления, а не караимского, тогда как именно караимы Восточной Европы и Крыма впоследствии сохранили тот особенный кипчакский язык, которым написан кодекс № 143, для переводов Библии. Однако в этих поздних, XVIII–XIX вв., караимского происхождения библейских переводах для наименования саранчи используется уже совершенно другое слово: в разных диалектных формах оно звучало и записывалось в русской графике как *цэгиртке*, *чегиртькя*, *чэгиртке* или *чэгирткэ* [Баскаков, Зайончковский, Шапшал (ред.) 1974: 617, 626, 639]. В кодексе № 143 в стихе Числ. 13:33 древнееврейское слово *хагав* (им обозначалась некая разновидность саранчи) было переведено как *sarynčqalar*, то есть ‘саранчи’ (тюркский аффикс *-lar* — показатель множественного числа), и эта форма прекрасно читается в тексте, поскольку

в этом месте он огласован, что не всегда встречается в еврейских рукописях. В другом библейском стихе, Лев. 11:22, где перечислены четыре вида разрешенных в пищу кузнечиковых, в том числе *хагаб*, одно из двух древнееврейских названий — *арбэ* или *сол'ам* — снабжено глоссой на полях, к сожалению обрезанной и неогласованной: от нее сохранились первые три буквы, составляющие последовательность *S-R-Y* (см. рис. 5) — именно с них начинается написание слова *sarynčqa* в Числ. 13:33 (*S-R-Y-N-S-Q* плюс огласовка), так что эту глоссу можно смело реконструировать как *sary[nčqa]*.

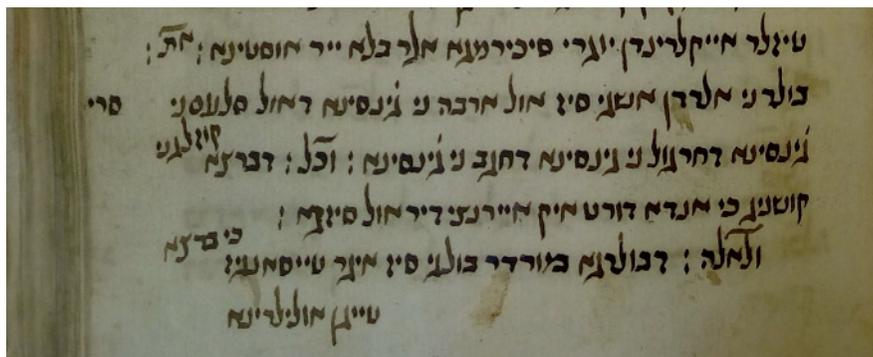

Рис. 5. Глосса *SRY[NSQ]* (*sarynčqa*) в рукописи РНБ, Евр.І.Библ, № 143, л. 43 (Лев. 11:22)

Fig. 5. The gloss *SRY[NSQ]* (*sarynčqa*) in the MS RNB, Evr.I.Bibl., No. 143, fol. 43r (Lev 11:22)

Самое примечательное, что в Правленном славяно-русском Пятикнижии словом *саранча* (в некоторых списках *саранца*) глоссируется также один из чистых, разрешенных иудеям в пищу, кузнечиковых. Посмотрим на этот перечень, опираясь на современный русский перевод Российского библейского общества, к которому в скобках приведены оригинальные слова из древнееврейского Масоретского текста и греческой Септуагинты: «Итак, вы можете есть саранчу [др.-евр. 'арбэ, греч. βροῦχος] разных видов, любую длинноголовую саранчу [др.-евр. сол'ам, греч. ἀττάκης], сверчков [др.-евр. харгól, греч. ἀκρίς] разного вида и всевозможных кузнечиков [др.-евр. хагаб, греч. ὀφιομάχης]»². В старославянском переводе с греческого этим четырем названиям были подобраны следующие соответствия: 1) «вруху» — *гусеница* или *усънецъ* (названия варьируются в зависимости от редакции); 2) «аттакису» — *сверщець* (*сверчекъ*, *скверчекъ* или

² Традиционный русский Синодальный перевод приводит три из четырех названий насекомых просто в транслитерации с еврейского: «сих ешьте из них: саранчу с ее породю, солам с ее породю, харгол с ее породю и хагаб с ее породю».

сверкъ); 3) «акриде» — те самые *прузи*; 4) «офиомахису» — *супротивящийся змий* (греч. *ὄφιόμαχος* буквально значит ‘змеборец’). В большинстве списков Правленого Пятикнижия глосса *саранча* (*саранца*) — как дописанная на полях (например, как на рис. 6, правка к Исх. 10:4), так и вставленная в текст (как на рис. 7) — относится к слову *усънецъ*, в одном — к слову *прузи*. Так, если в кодексе № 143 формой *сару[пѣца]* глоссировано было именно слово *арбѣ* (знака сноски в рукописи нет, глосса стоит просто рядом с соответствующей строкой, в которую вместились только два первые названия), то ему в старославянском тексте, в русских его редакциях, соответствует слово *усънецъ*, которое также глоссировалось формой *саранча/саранца*.

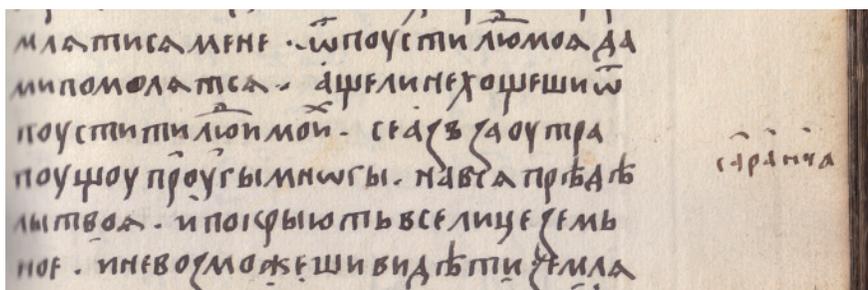

Рис. 6. Глосса на полях *саранча* к слову *пругы* в тексте (Исх. 10:4) в рукописи РГБ, ф. 98, № 648, л. 113

Fig. 6. The marginal gloss *sarancha* for textual form *prugy* in the MS RGB, found 98, No. 648, fol. 113r (Ex 10:4) from 1490s

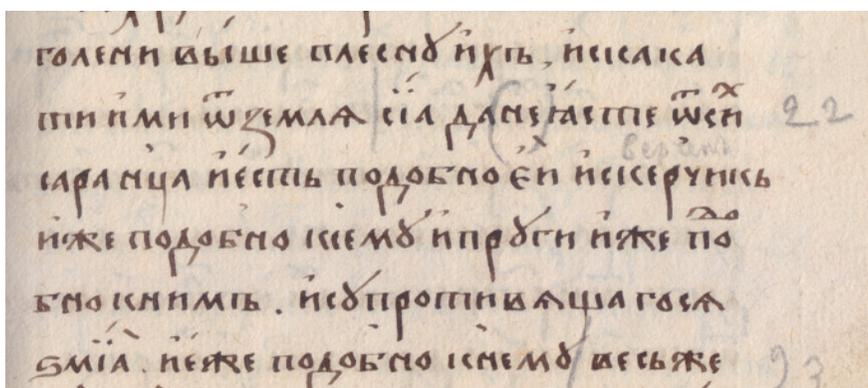

Рис. 7. Исправление в тексте Правленого Пятикнижия (*саранца* вм. *усънецъ*). РГБ, ф. 113, № 8, л. 194. Список Пятикнижия 1494 г., принадлежавший Иосифу Волоцкому

Fig. 7. The textual correction *sarantsa* for *usenets* in the Edited Pentateuch: the copy from 1494 (MS RGB, found 113, No. 8, fol. 194r) which was owned by St. Joseph Volostky

Получается, что в Правленном славяно-русском Пятикнижии имеет место не просто заимствование из старокипчакского языка, но текстуальное заимствование — из старокипчакского текста. Конечно, заимствование слова из одного перевода Библии в другой не отменяет возможности заимствования этого же слова из языка в язык, что, судя по всему, и произошло со словом *саранча*, которое полностью вытеснило церковнославянское *прузь* в восточнославянских языках и старочешское/старопольское *kobylka* в польском, а в чешском — лишь с XIX в. Однако важно отметить сам момент наиболее ранней письменной фиксации этого вытеснения, и в случае с церковнославянской Библией этот момент связан с правкой Пятикнижия по такому экзотическому источнику, как тюркский таргум — перевод библейского текста на один из языков еврейской диаспоры, в данном случае старокипчакский, используемый внутри иудейской традиции в качестве вспомогательного, объясняющего малопонятный некнижным людям древнееврейский оригинал. И очень важно, что текстуальная параллель между глоссой Правленного славяно-русского Пятикнижия нашлась в еврейско-тюркской рукописи, написанной практически в то же время, даже чуть раньше, в 70–80-е годы XV века.

Учитывая не только языковые, но и культурно-религиозные контакты — в данном случае между православными восточнославянскими книжниками и тюркоязычными иудеями Восточной Европы, — еще более важно признать, что правки перечней «чистых» и «нечистых» животных в славянском Пятикнижии (в первом из них появился уже рассмотренный нами тюркизм *сайгак*) происходили не случайно, не из праздного любопытства, а для того чтобы уяснить законы кашрута, то есть иудейских пищевых запретов и предписаний. Если появление сайгака на месте верблюда в перечне «чистых» копытных было вызвано стремлением исправить ошибку еще старославянского перевода, из-за которой в этот перечень попал явно «нечистый» верблюд, то в перечне «чистых» кузнечиковых появляется вдруг исправление особого рода — предписание не употреблять их пищу, причем вопреки оригинальному тексту Священного Писания. Вернемся еще раз к этому тексту: «Итак, вы можете есть [др.-евр. *эт-элле мэзэм тохэлу* ‘этих от них едите’, греч. *ταῦτα φάγεσθε ἀπ’ αὐτῶν* ‘этих будете есть от них’] саранчу разных видов» и т. д., — а в старославянском переводе действительно было «сия да ясте от них», и это чтение сохраняется во всех южнославянских списках книги Левит, во всех ранних древнерусских, тогда как запрет «сия да не ясте от них» появляется лишь в Правленном Пятикнижии и в некоторых поздних списках предшествующей редакции, на которые, очевидно, повлияло Правленное Пятикнижие (на рис. 4 видно, что кто-то, работавший с рукописью № 8

из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря, вероятно протоиерей Александр Горский (1812–1875), не только сделал карандашом разбивку на стихи, но и взял в скобки отрицательную частицу *не*, поскольку отрицания нет ни в древнееврейском, ни в греческом текстах Библии). Происхождение запрета на употребление в пищу кузнечиковых, которые были прямо разрешены Библией, также связано с иудейской традицией, но более поздней, раввинистической. Впервые в явном виде он прописывается в знаменитом трактате «Шулхан арух» Йосефа Каро (XVI в.), но еще раньше, во второй половине XI в., знаменитый раввин и толкователь Библии Северной Франции Раши высказывает некоторые сомнения в том, что к его времени знания о точном наполнении библейских слов, обозначающих разные виды саранчи, остаются достоверными: «Все эти признаки есть у той [саранчи], что водится в наших местах, но у одних голова вытянутая, у других — есть хвост. И нужно [быть уверенным, что данный вид] носит название *хагав*, [чтобы употреблять этих кузнечиков в пищу], а мы не умеем отличать [разные их виды] друг от друга» [Горин (гл. ред.) 2017: 159]. Вполне вероятно, что в результате непосредственных контактов с иудейскими книжниками справщики славянского Пятикнижия внесли этот поздний запрет прямо в его текст.

Однако далее встают вопросы, как из старокипчакской формы *sarynčqa* получилась *саранча*, то есть куда выпал *к* и какова природа чередования *ч* с *ц* (*саранча/саранца*) уже в собственно славянских формах? Самым простым ответом на первый вопрос будет следующее предположение: исходная тюркская форма на *-ка* стала восприниматься восточными славянами как уменьшительное образование, из которого было выделено как будто бы изначальное, без уменьшительно-ласкательного значения, слово **сарынча*, в котором звук [ы] в середине уподобился остальным гласным (то есть произошла межслоговая ассимиляция), и получилась, наконец, *саранча*. Возможно, что существовала еще собственно тюркская форма **sarančqa*, не засвидетельствованная источниками, поскольку выравнивание гласных, или гармония, как говорят тюркологи, характерно именно для тюркских языков и диалектов, — и уже из нее методом «обратного словообразования», когда был отброшен «суффикс» *-к-*, выделилось слово *саранча*. Точно таким же способом в русском языке из нидерландского *zondek*, которое сначала было заимствовано как *зонтик*, появилось слово *зонт*.

На второй вопрос ответ уже не столь очевиден. Дело в том, что чередование форм *саранча* и *саранца* в славяно-русской книжности могло быть связано не только с таким русским диалектным явлением, как цоканье, то есть неразличением звуков [ч] и [ц], но и с аналогичным ему явлением в старокипчакском языке: именно из-за него уже упомянутое нами более

позднее название саранчи в караимских переводах Библии известно в двух формах — тракайской (Литва) и крымской чокающей *цегиртке* и галицко-луцкой (Украина и Польша) цокающей *цэгиртке*.

В дальнейшей истории русской Библии, уже Синодального ее перевода, а также современных переводов, в том числе Российского библейского общества, слово *саранча* выступает как вполне нормальное обозначение этого вредоносного насекомого, столь часто упоминавшегося на страницах Священного Писания.

Литература

- Аванесов Р. И. (гл. ред.). Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-слово-образовательная. Вып. 1. Животный мир. М.: Наука, 1988. 188 с.
- Баскаков Н. А., Зайончковский А., Шаншал С. М. (ред.). Караимско-русско-польский словарь. М.: Русский язык, 1974. 688 с.
- Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. М.: Наука, 1996. 253 с.
- Булыка А. М. (ред.). Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 31. Мінск: Беларуская навука, 2011. 507 с.
- Горин Б. (гл. ред.). Тора с комментариями Раши: в 5 т. Т. 3. Ваикра / Пер. Торы А. Фейгин, И. Гиссер; Пер. Раши и примеч. А. Фейгин. Изд. 3-е, испр. М.: Книжники; Лехаим, 2017. 480 с.
- Грищенко А. И. Как *сайгак* попал в церковнославянскую Библию? // Русская речь. 2019. № 3. С. 50–59.
- Ковтун Л. С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л.: Наука, 1977. 111 с.
- Левитская Л. С. Сарычга // Этимологический словарь тюркских языков. Т. 7. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. С. 226–227.
- Никитин А. Л. О Радзивиловской летописи // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. С. 526–557.
- ПВЛ 1996 — Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 670 с.
- САР — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
- Сербский Г. П. Дело «О саранче»: (Из разысканий в области одесского периода биографии Пушкина) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 275–289.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. III. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

- Чернецов А. В. К изучению Радзивилловской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 36. Л.: Наука, 1981. С. 274–288.
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. IV. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. 806 s.
- Kowalski T. Szarańcza // Język polski. T. XXVII. Z. 2. 1947. S. 52–55.
- Rejzek J. Český etymologický slovník. [Praha]: Leda, 2001. 752 s.
- Rytter G. Wschodniostowiańskie zapożyczenia leksykalne w polszczyźnie XVII wieku. Łódź: Wydaw. Uniwersytetu Łódzkiego, 1992. 172 s.

References

- Avanesov R. I. (ch. ed.). *Obshch斯拉vianskii lingvisticheskii atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya* [All-Slavic linguistic atlas. Lexical and derivational series]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Iss. 1. 188 p.
- Baskakov N. A., Szapszał S. M., Zajączkowski A. (eds.). *Karaimsko-russko-pol'skii slovar'* [The Karaim-Russian-Polish dictionary]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1974. 688 p.
- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the 11th–17th-century Russian language]. Iss. 23. Moscow, Nauka Publ., 1996. 253 p.
- Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. 4th ed. Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1985. 806 p.
- Bulyka A. M. (ch. ed.). *Gistarychny sloŭnik belaruskaj movy* [The Historical dictionary of the Belorussian language]. Iss. 31. Minsk, Belaruskaya Navuka Publ. 2011.
- Chernetsov A. V. [Towards research of the Radziwiłł Chronicle]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceed. of the Old Russian literature Department]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. Vol. 36, pp. 274–288. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1987. Vol. 3. 832 p.
- Gorin B. (ch. ed.), Feigin A., Gisser I. (transl.). *Tora s kommentariyami Rashi* [Torah with Rashi's commentaries]: In five vols. 3rd ed. Moscow, Knizhnik Publ., Lekhaim Publ., 2017. Vol. 3. 480 p.
- Grishchenko A. I. [How did a saiga appear in the Church Slavonic Bible?]. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2019. No. 3, pp. 50–59. (In Russ.)
- Kovtun L. S. *Drevnie slovari kak istochnik russkoi istoricheskoi leksikologii* [Ancient dictionaries as a source of the Russian historical lexicology]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 111 p.
- Kowalski T. Szarańcza. *Język polski* [Polish language]. 1947. Vol. 27, no. 2, pp. 52–55. (In Pol.)
- Levitskaya L. S. [Sarychgha]. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Turkic languages]. Moscow, Vostochnaya Literatura RAN Publ., 2003. Vol. 7, pp. 226–227. (In Russ.)

- Nikitin A. L. [On the Radziwiłł Chronicle]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of the Old Russian literature]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., Progress-Traditsiya Publ., 2004. Iss. 11, pp. 526–557. (In Russ.)
- Rejzek J. *Český etymologický slovník* [Czech etymological dictionary]. Praha, Leda Publ., 2001. 752 p.
- Rytter G. *Wschodniosłowiańskie zapożyczenia leksykalne w polszczyźnie XVII wieku* [Eastern Slavic loanwords in the 17th-century Polish]. Łódź, Publ. House of the University of Łódź, 1992. 172 p.
- Serbskii G. P. ["Sarancha" case: From the researches in the field of Pushkin's Odessa period]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin: Periodical of the Pushkin Commission]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1936. Iss. 2, pp. 275–289. (In Russ.)